

РАССКАЗ

Ницца

БОЧКИНА МАРИЯ

16+

Мария Васильевна Бочкина

Ницца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67600814

SelfPub; 2022

Аннотация

Это путешествие вглубь культуры, поиск себя в старом городе, ставшим когда-то эмблемой роскоши и богатства, скрывающем за пустой суетой современной бездушной и циничной действительности культурное многоцветье, единство эпох и национальностей, подлинные исторические смыслы. В центре курортного городка, классического топоса для разворачивания истории курортного романа в русской литературе, где автор заглядывает в души героев нынешней эпохи с их страхами, скрывающимися за видимым успехом, очерствением души и потерей способности к человеческой близости. А кто-то из них, наоборот, находит себя в служении красоте и вечным культурным ценностям, обнаруживая глубинное родство далеких друг друга культур. И все же такой могучий, но несовершенный человек сочетает в себе и слабость, и величие, и от Давида, увидевшего купающуюся Вирсавию и влюбившегося в эту женщину, Давида Микеланджело, сильного и устремленного вдаль, история движется к Давиду современному...

Мария Бочкина

Ницца

Комната полна горячим морским дыханием летнего утра. Мягкий рассеянный свет пробивается сквозь плотную тяжелую портьеру, в закатные часы становясь густо огненной четкой линией. Но сейчас свет нежно рассеян в пространстве спальни. Белые крахмальные простыни еще помнят форму тела. В большом напольном зеркале отражается женщина. На белую хлопковую рубашку ниспадают длинные каштановые волосы, рукава закатаны и обнажают тонкие запястья, которые гармонично продолжают фактурные ключицы и выраженные скулы. Ее светлая кожа, чуть тронутая солнцем и по-июльски горячая, источает запах моря, смешанный с белоцветными духами. Карие глаза с янтарным отблеском застыли, вглядываясь в свое отражение. На секунду моргнув, она бросила взгляд в сторону окна и направилась по направлению к нему, ступнями изучая прогретый каменный пол. Белоснежное полотно штор, заслонявшее пышный город от глаза постояльца, обнажило всю его цветистую натуру, и теперь уже зрение жадно глотало его фактуру, но внутренняя сущность этого места пока была сокрыта.

Необычайно голубое море билось шумными волнами о каменистый берег пестрой и многоликой Ниццы. Этот известный город французской Ривьеры предстает как хитро-

сплетение архитектурных стилей, соединяя в себе французские, итальянские и греческие мотивы, провинциальную простоту и прошлый аристократизм. Придирчивый глаз заметит, что намек на изысканность оборачивается вычурностью, а былая роскошь изрядно потрепалась, и город сохранил лишь атмосферу расслабленности и легкости жизни. Оба этих свойства, однако, желаемый и неповторимый lifestyle, к которому стремятся приезжие иностранцы, чем и объясняется популярность этого места. Если посмотреть на город сверху, то можно увидеть, как оранжево-красные черепичные крыши домов отделяются английской набережной и серой полосой берега от морской бирюзы.

В полдень городские улицы утопали в густом летнем зное и были, как всегда в сезон, многолюдны и шумны. Адель вышла из двери дома, где были арендованы ее апартаменты, и улица ее поглотила. Широкополая плетеная шляпа покрывала лицо ее точками света, придавая всему облику особую элегантность. Оказавшись в новом месте, первый раз идя по улицам нового города, Адель поспешно впитывала всё: здания, ландшафт, витрины и людей. Горожане и туристы заполняли магазины, что-то мерили, громко разговаривая, и груженные пакетами с обновками, поспешно их покидали, отправляясь в ресторан или брассери. Под маркизами и навесами они медленно потягивали апероль и курили, сквозь затемненные линзы очков поглядывая на прохожих, как на рыб в аквариуме. Китайцы облюбовали городской фонтан

и делали на его фоне фото, с маленькими йоркширскими терьерами гуляли по набережной дамы, от которых иногда слышались бранные слова, а русские семьи с детьми толпились в очередях за итальянским мороженым. Во всей этой суете растворялась настоящая Франция, подлинные ее черты скрывались в глубине, в закоулках, за железными воротами старых усадеб, в музейных реликвиях, за деревянными ставнями.

Пройдя сквозь шумную толпу по шашечной плитке центра города, Адель направилась к городской набережной, а затем пересекла ее и спустилась к городскому пляжу. Некрасивая пожилая женщина загорала топлес, ее сморщенная кожа, обугленная от солнца, была шоколадного цвета, а волосы были настолько белые, что уходили в зелень. Недалеко на камнях курили только что вышедшие из моря, в каплях воды по всему телу, мускулистые арабы. Адель нашла место на берегу в стороне от людей и, сняв кожаные шлепанцы, она наступила на камни. Раскаленные они обожгли ее ступни, и, сделав пару шагов, она почувствовала сильную боль. Окунувшись в холодные морские воды, Адель вышла на берег. И боль пронзила все тело, когда она попыталась лечь на эту крупную гальку, и, только найдя спиной ровное место и замерев, девушка смогла расположиться на берегу. Она нестерпимо желала прохлады и возможности остаться на этом берегу наедине с небом и морем.

– Здесь всегда такие сильные волны, а вода очень холод-

ная даже в середине лета, – произнес по-русски мужчина лет тридцати пяти, с небрежными короткими темными кудрями, смуглый и широкоплечий, который без стеснения расположился рядом на камнях, и, сложив руки на коленях, смотрел на горизонт.

– Как вы узнали, что я русская? – Адель поднялась и обескураженная, принялась рассматривать нового знакомого.

– По кресту у вас на шее, – сказал мужчина, не переводя взгляда на девушку, как будто заранее разглядел ее. – Я родился в Таганроге, но уже много лет живу в Европе. Моя мама еврейка по национальности, а отец – русский.

Адель стало неловко, как будто посягнули на что-то личное, заглянули ей в душу, которую она всегда предпочитала скрывать за холодной отстранённостью, как будто кто-то проник под панцирь, посмел заглянуть в глубину ее чувствительной натуры, ничуть не сомневаясь в своем праве на это, а она не успела даже спрятаться за равнодушной вежливостью, как обычно это делала. Адель встала и начала поспешно одеваться.

– Приходите вечером в бар Шапко, там будет живая музыка, играет джазовый оркестр. Я уверен, Вам очень понравится, и Вы ни в коем случае не пожалеете, – он поправил рукой волосы, и его дорогие часы блеснули на солнце. Жесты выдавали самоуверенность, пресыщение и вместе с тем усталость от жизни.

Адель, а точнее Аделина, любила, когда ее имя звучало короче и яснее, поэтому сама всегда себя так называла, в свои двадцать девять лет была уже довольно успешным дизайнером-архитектором. После университета она попала в круги творческой элиты, и благодаря таланту и везению начала получать высокооплачиваемые проекты. В круговороте дней и веренице событий легко потерять равновесие, и поглощенная тоской, в одиночестве, она очутилась у себя в квартире на двадцатом этаже столичной высотки в один летний вечер. Она с детства обладала чувствительностью и обостренно воспринимала красоту, и это желание никак не утолялось.

– Мам, а почему эта бабочка от нас улетает?

– Потому что она живая, – женщина поймала бабочку и насадила ее на соломинку.

– Вот, держи.

Адель посмотрела и громко зарыдала.

– Ой, прости милая, не плачь! Я так больше не сделаю!

Так красота стала не живой, а мертвой. А мертвое не может быть красиво.

В тот вечер, накануне своего дня рождения, Адель поняла, что давно уже не радовалась, не чувствовала душевного подъема, не давала волю воображению, потеряла ощущение момента. Ей захотелось оглянуться вокруг. Она решила взять паузу, уехать подальше, к морю...

Вечером того же дня Адель пришла в район старого города, ища глазами название улицы, на которую следовало свернуть в поисках назначенного места. Посреди тихих узких итальянских улочек, старых рыжеватых домов с сырым зеленоватым фундаментом и выцветшими ставнями затесалась площадь старого города, которая по вечерам была многолюдна и шумна и в липкой духоте июля совершенно безветренна. Центр старой Ниццы поздним вечером превращался в ресторан под открытым небом: местные французы, приезжие европейцы, американцы и русские медленно потягивали вино и заказывали морских гадов. Огромные блюда с торчащими щупальцами и хвостами торжественно приносили торопливые официанты, обслуживающие пиршество. Вокруг витали запахи рыбных деликатесов. Со всех сторон слышалась русская речь, их шумное беспокойство и спешка забавно контрастировали с равнодушной безучастностью пожилых француженок с золотыми цепями на морщинистой смуглой груди, даже ночью ходивших в темных очках, и таких же чрезмерно спокойных седых мужчин-европейцев в льняных брюках.

Просочившись сквозь этот праздник чревоугодия, Адель очутилась напротив искомой вывески, и лысый охранник, дружелюбно улыбаясь, пригласил ее войти. В темном зале было свежо и прохладно, на сцене играли улыбчивые артисты, легко и виртуозно обращаясь с инструментами, ярко блестели трубы, а гости, сидевшие на диванах, держали в

руках бокалы с шампанским или виски и неподдельно улыбались выступающим музыкантам. Брюнетка в черном платье, сидевшая в одиночестве за столиком у сцены, будто ни капли этого одиночества не чувствовала или просто старалась не замечать, а перед ней красовалась бутылка шампанского в ведре со льдом – знак чрезмерности и пресыщения. Пространство искрилось и сияло, душой овладевали восторг и умиление, радость момента и его будоражащая праздничность вытесняли из сознания весь оставшийся за дверями мир. Давид был в темноте, в дальнем углу на бархатном диване он был почти не виден, и только пройдя вглубь зала, Адель нашла его столик. На ней было черное платье с пышной юбкой на тонких бретелях, черные ремешки туфель украшали стройные щиколотки – сгущение женственности, слишком броско по европейским меркам.

– Вам нравится здесь? – спросил Давид после обмена приветственными репликами

– Да, я чувствую себя хорошо... и спокойно.

– Именно так... Поэтому я не продал это место, – он прочитал тщательно скрываемое удивление на лице Адель. – На заре моего бизнеса, – он усмехнулся, все же это звучало так напыщенно – я владел несколькими такими заведениями во Франции, от всех них я уже избавился, и только этот бар решил оставить.

... И он оставил его, как сувенир на память, как отголосок начала. Для того чтобы не забывать, откуда пришел и кем

являлся. И темное сырое прошлое – самое драгоценное в руках миллионера. А первые крупные успехи, возвышающие над остальными, первые трофеи – после них уже стало ясно, что впереди еще большее богатство и успех.

Ей показалось удивительным сочетание силы, уверенности и, на первый взгляд, присутствовавшей душевности ее собеседника, которые были чертами почти взаимоисключающими, но в сознании ее уже формировалась очаровывающая иллюзия. Он вдруг осознал, что показался слишком сентиментальным, и, увидев умиление на лице Адель, решил перевести тему и спросил Адель о ее деятельности.

– Я архитектор и дизайнер интерьера, также занимаюсь реставрацией.

– Удивлен. Я думал вы модель или стюардесса. А чаще всего с такой внешностью девушки из России, которые здесь встречаются, не работают, – сказал он, не скрывая некоторого цинизма. – Что тебя привлекло в этом деле?

– Я люблю красоту форм, когда камень обретает структуру, образует нечто устойчивое и соразмерное, воплощающее гармонию линий. А еще мне нравятся исторические памятники архитектуры. Я восхищаюсь тем, как они хранят величие прошлого.

Он молчал. Удивленный осмысленностью ее высказываний, отражающих незаурядный интеллект, весьма необычно сочетавшийся с яркой внешностью, он, казалось, был несколько разочарован.

– А я умею только покупать и продавать... Не умею привязываться к вещам, ценить красоту. Ценность для меня – это всего лишь стоимость.

– Но это противоречит тому, что ты сказал об этом месте...

– Это место связано с моим прошлым. А прошлое мира слишком абстрактно. Я живу сейчас. И меня интересует только то, что касается меня лично, – сказал он, будучи немного раздосадован неожиданной провокацией собеседницы. Его довольная улыбка сменилась растерянной задумчивостью.

Адель посмотрела на играющих музыкантов. Джаз уносил ее мысли вдаль. Это музыка бедных о богатой жизни, которая обрела красоту через силу мечты. В ней воплотилось желание непрекращающейся радости и легкости бытия, не отягощенного никакими заботами, не содержащего ни ноты страданий, так резонирующее с блестящей парадностью вальжной Ниццы.

Когда они вышли из бара, людей уже не было. Они вглядывались в подсвеченные извилистые тела узких улочек, а над их головой расстелилось звездное небо, воздух дышал испариной. В тишине и звуки шагов, и смех, и фразы были увесисты и будто подвисали в этом завораживающем безлюдном пространстве. Он был расслаблен, не стремился играть, глубина ее натуры его обезоружила, но в душе насто-рожала. Он чувствовал, как энергия женственности, много-

кратно усиленная умом и талантом, может на мгновение его поработить, и изо всех сил старался сопротивляться. Она это сопротивление чувствовала и понимала природу его натуры. Они договорились встретиться вечером следующего дня, хотя единственным смыслом этой встречи было непрогнозируемое и сомнительное желание, которое породила эйфория, гонимая рациональным выводом о тупиковости продолжения.

Когда Чехов описывал образ Гурова, он был, несомненно, романтиком – в очерстевшей душе находил бездонную глубину и неутраченную способность откликаться на искренность и наивность другого. И вот автор, который предпочитал смотреть на человека сквозь едкую иронию и не верил в счастливый конец, одаривает ярким событием серую и скучную, несправедливую жизнь своего обывателя, неожиданным счастьем отнюдь не самого достойного своего героя. Но в замедленном времени Ниццы в судьбах людей не было таких контрастов, и классическая история встречи двух людей в курортном прибрежном городке обнаруживала главным своим мотивом усталость и тоску по глубинным смыслам.

Следующий день был ветреным и пасмурным. Все вмиг обесцветилось – море, дома, деревья, их краски словно погасли на фоне всемогущей небесной серости, и солнца, в лучах которого так нуждался этот прибрежный городок, не было видно весь день. Адель направилась к порту, где Давид назначил ей встречу, но все уже становилось слишком очевид-

ным, и человеческое несходство, и внутренний холод чужого существования, и инородность души, к которой все меньше хотелось прикоснуться.

В порту была пришвартована частная яхта, принадлежавшая Давиду. Они пили вино под скучную беседу, в обоих чувствовалось напряжение, и изначальная игривая легкость двух людей сменилась отчуждением. Ветер успокоился, вокруг воцарилась тишина, между собеседниками повисло ожидание развязки...

Бывает так, что осмысление какой-то фразы или второстепенной детали приходит значительно позже состоявшейся встречи, и уже потом, после всего сказанного, пазл складывается в единую картину.

– После твоих слов об истории и искусстве, я понял (и должен это сказать), что ты весьма одухотворённая и интересная личность, но... (подготавливая фразу, чтобы отступить, он задумался)

– Но я все равно не удивлюсь, – прервала его Адель.

– Тогда я скажу прямо. Я ничего и никого не ищу, не жду. Мне не нужен кто-то другой, чтобы существовать. Я совершенно не готов устанавливать с кем-то прочную и долгую связь. У меня есть всё, и я не хочу считаться с кем-либо ни в едином вопросе, касающемся моей жизни. В этот век самое страшное – это нуждаться в ком-то. Ты можешь не согласиться, но привязанность к кому-либо только ослабляет, да и я, наверное, утратил это душевное свойство. Я усвоил

одно: нет тех, кто незаменим. Бесконечный выбор – в моем случае не траектория к одному единственному человеку.

Адель, вопреки его ожиданиям, не стала возражать, задавать вопросов или высказывать свою точку зрения, снисходительно улыбаясь, она словно окунулась в поток времени, пытаясь прочувствовать красоту момента, и все сказанное будто теряло ценность, заглушалось терпкостью хорошего вина. Она бросила взгляд на горизонт и взяла в руки сумку и накинула на плечи рубашку.

– Ну тогда прощай, – Адель очаровательно улыбнулась, и Давида удивило разумное и спокойное выражение ее лица.

– Прощай... – через силу произнес он.

Дневная духота спала в порту, от воды повеяло прохладой, и море заблагоухало соленым запахом. Адель почувствовала невесть откуда взявшуюся силу и великую ценность простой безыллюзорной реальности, а Давида будто что-то больно кольнуло, вопреки его представлениям о собственной непоколебимости. Утром он уплыл на яхте, и работница кафе рядом с портом видела его в компании двух девушек, по всей видимости, эскортниц. В воде ему нравилось больше, чем на суше, и все его существо манил и притягивал горизонт, с которым он хотел слиться, оторвавшись от берегов.

А её впереди ждала жизнь, наполненная теплыми сгустками смыслов и звучащая интонационными переливами, вспышками эстетизма, удивлявшая непомерной глубиной самых простых явлений. Находясь среди людей, она заме-

чала нечастые проблески духа и красоты, но посвятить им жизнь хватало мужества немногим.

Если бы можно было забраться на такую высокую гору, с которой было бы видно не только все земное пространство, но и все времена, исторические события, поколения, стало бы ясно, что земля слишком мала, а человек слишком огромен, как статуя Давида Микеланджело. И сотни лет человечество, не умолкая, рассказывает лишь о себе и своем создателе.

Прохладные коридоры музея Ниццы с самого утра слышат шаги посетителей, наблюдавших, как с белых стен свисают библейские герои, яркими красками повествуя о своем величии, преодолевая брэнность бытия и бездушность материи. Адель стояла напротив ярких полотен, и ее все больше затягивала многовековая глубина сюжетов, нанесенных на полотно художником Марком Шагалом.

Какое благоговение и радость существования, самозабвенное поклонение перед живым миром, неутомимый трепет от божественной сути бытия. Этот посланник, как глубоко он прочувствовал единство всего, родство неродной земли и Божье творение во всем: сером и убогом, мрачном и сиром месте, где жили старики, и в величественной позолоте архитектурных монументов, гордой парадности, роскоши культурных сооружений. А памятники, как и должны, ак-

кумулируют память, сгущают, концентрируют мировое прошлое. И вот благодаря легкой, исполненной восторга руке художника вновь засквозили эпохи, слой за слоем в полотнах засветились библейские образы, из века XX он вглядывался в самую глубину культуры, которая всем сообщает о непреодолимом единстве. Как он служил этому свету, не давая ни жизни отвлечь себя, ни смерти повести за собой в темные дали?

За чередой закатов и восходов, приливов и отливов, дней растущей и убывающей луны над пестрыми ночными улицами – где-то в глубине скрывались давно затерянные смыслы. Ницца не отпускала Адель. Случай свел ее с Мадлен, пожилой француженкой, которая искала дизайнера для реставрации старого дома, находившегося в горах, недалеко от города. Дом, который Мадлен покинула после смерти мужа, обветшал и осиротел, местами в него пробиралась сырость, но светлая память оказалась сильнее боли, и хозяйка захотела дать этому каменному строению новую жизнь. И Адель, осознававшая хрупкость красоты, в которой прошлое неизменно перетекает в вечность, всегда стремилась эту красоту беречь, и была вдохновлена новой работой. Душа и сердце города приняли мастера, служившего этой благой цели, призывая к сотворчеству, и уже готовили встречу с тем, кто и ее саму мог бы провести над пропастью по качающемуся мосту, если бы это понадобилось...

Москва, 2021